

*Дорогому Вите Виноградову,
благосклонному к нашим экспедиционным занятиям,
— мои экспедиционные байки*

**Экспедиционные истории 3:
Продолжение дагестанских сопоставительных штудий (1974 - 1977)¹
А.Е.Кибрик**

Некоторое время назад я приступил к рассказу о многолетнем проекте, посвященном сопоставительному изучению дагестанских языков, см. [Кибрик 2008]. Этот проект стартовал в 1973 году. В отличие от предыдущего, самого первого этапа нашей экспедиционной полевой работы (см. [Кибрик 2007]), результатом которого стали два монографических описания северокавказских языков, мы с Сандро Кодзасовым с 1973 года обратились к совершенно новой для нас задаче, требовавшей новых методов и нового экспедиционного формата. Во-первых, основной целью стало изучение лексики в сопоставительном плане и, во-вторых, экспедиция теперь была организована на многопартийной основе. Каждая партия за время экспедиции изучала два языка по единой программе. Таким образом, в первой экспедиции лексико-сопоставительного проекта было обследовано шесть языков. По нашим с Сандро планам таким методом практически все дагестанские языки можно было охватить за 4-5 сезонов.

1. Результаты первой словарной экспедиции. 1973 год

Проведенный в 1973 году эксперимент показал, что наши прогнозы были слишком оптимистичными. Первичный сбор словаря объемом в 1000 единиц был осуществлен, но фонетическое и семантическое качество этих материалов никак нельзя было считать окончательным. Некоторые искомые лексемы, соответствующие смыслам априорно выделенных тезаурусных единиц (тезаурусных входов), вызывали трудности перевода. Некоторые смыслы выражались несколькими лексемами, и требовалось специально заниматься многими словарными статьями, уточняя переводы и иногда изменяя первоначальные тезаурусные входы. А это требовало сравнить полученные данные с данными других языков, проведя дополнительный сбор слов, соответствующих новым тезаурусным входам. Не меньше проблем осталось с фонетической записью. Хотя каждая тезаурусная единица независимо собиралась не менее чем двумя исследователями, ошибки могли быть как у одного, так и у обоих сборщиков.

Кроме того, попутное обследование грамматики требует больше времени, чем имелось при такой интенсивной программе. И стало ясно, что полноценные словарные статьи будущего сопоставительного словаря требуют больше грамматической информации, чем это предполагалось вначале.

Поэтому мы решили изменить ранее намеченную схему полевой работы и вновь обратиться к тем языкам, которые исследовались в 1973-м году, посвятив каждому языку весь экспедиционный срок. Что касается лезгинского языка, мы решили ограничиться тем, что было собрано в предыдущей экспедиции. Это было связано с сильной интерференцией исследовавшегося хлютского говора с литературным лезгинским, которому учат в школе, — что зачастую вызывало трудности разграничения диалектных и литературных форм не только для нас, но и для самих носителей, даже учителей родного (то есть литературного) языка. Доведение словарного материала до нужной кондиции возлагалось на нас с Сандро.

В то же время в программу был добавлен лакский язык, одно из селений которого (Хосрех) расположено недалеко от даргинского селения Чираг. Не воспользоваться таким географическим обстоятельством было бы неправильно².

абота выполнена при поддержке гранта РФФИ № 08-06-00345а.

амечу, что с лакского языка началась в 1967 году вся экспедиционная эпоха, см. [Кибрик 2007].

2. Вторая словарная экспедиция. 1974 год

Всего обследовалось шесть языков в двух ареалах: самурском (цахурский и рутульский) и в бассейне реки Чирахчай (табасаранский, агульский, даргинский и лакский).

На структуру второй экспедиции воздействовали также экстралингвистические факторы. С каждым годом нашей экспедиционной деятельности росло число ее энтузиастов, многие из которых уже окончили Университет, накопив ценный опыт и, что самое главное, сохранив желание и далее участвовать в экспедициях. В то же время экспедиции стали очень популярными на ОСиПЛе, и студентов, желающих в них участвовать, также становилось все больше. Поскольку экспедиции являлись частью учебного процесса на отделении, студенты имели приоритет при формировании состава экспедиции.

В итоге в экспедиции 1974 года участвовало 38 человек. Они были поделены на пять партий, которые возглавляли сотрудники и аспиранты ОСиПЛа: И.П. Оловяникова (цахурский: с. Микик, с. Цахур, с. Гельмец), Е.Н. Саввина (рутульский: с. Лучек и с. Хнов), И.А. Муравьева (табасаранский: с. Дюбек, с. Кондик и с. Хнов), Н.И. Лауфер (агульский: с. Бурцаг, с. Буркихан, с. Рича), Д.С. Самедов (даргинский, с. Чираг, и лакский, с. Хосрех). Мы с Сандро выступали как руководители всей экспедиции, и в наши функции входило инспектирование партий и самостоятельная работа.

В 1974 году нам удалось арендовать в автобазе МГУ аж две грузовые машины ГАЗ 66³, ехавшие из Москвы в Дагестан со всем нашим экспедиционным багажом: кухонным инвентарем, матрацами, а также с бочками бензина для заправки наших прожорливых машин. Они расходовали 35 литров на сто километров, а в те годы на трассе были постоянные перебои с бензином, в горах же никаких бензоколонок вообще не было, и в крайних случаях мы кланчили топливо у председателей колхозов, которые сами существовали в условиях строгого нормирования. Кроме того, мы везли три военные палатки, несколько столов и складных стульев для запланированного послеэкспедиционного отдыха на Каспийском море.

Такого масштабного предприятия еще не было. Опять мы едем в совершенно новую экспедицию и опять впервые проводим неслыханный эксперимент.

Большинство участников добиралось до Дагестана поездом, занимая существенную часть плацкартного вагона. Наш конечный пункт — Дербент, откуда ближе всего до гор, где расположены наши языки. Непростая организационная задача — как развезти такое количество людей вместе с багажом и продуктами по пяти селам, расположенным в трех направлениях?

Сперва была доставлена табасаранская партия в самое близкое к Дербенту селение Дюбек, расположенное в стороне от основного направления на селения Рича и Чираг. Это не больше часа езды в одну сторону. У остальных партий была возможность познакомиться с древним Дербентом и закупить овощи и фрукты на весь срок экспедиции (три недели). На следующее утро мы грузимся в два грузовика и отправляемся по двум каньонам. Агульскую и даргинскую партии возглавляет Сандро, рутульскую и цахурскую я.

Асфальт быстро закончился, далее идет дорога со щебеночным покрытием, очень пыльная и ухабистая, двигаться приходится медленно. Где-то по дороге во время краткой остановки с нами знакомится местный житель и, узнав, кто мы и откуда, начинает нас усиленно приглашать, выставляя очень убедительные аргументы. Я пытаюсь отказаться, так как впереди длинный путь, но он уверяет, что больше получаса это у нас не отнимет, и его желание столь искренне и непреклонно, что мы согласились. А все потому, что я еще не усвоил этого дагестанского ритуала спонтанного приглашения.

Мы приезжаем в большую усадьбу, не типичную для высокогорных селений, с большим домом и огромной открытой верандой, где нас рассаживают, знакомят с семьей. Отец говорит, что сейчас нас угостят шашлыком, и это займет совсем немного времени. Я, конечно, хочу вежливо отказаться и двигаться вперед, но наш шофер Леша перспективу шашлыка упускать не хочет, да и группа тоже настроена позитивно.

для не знающих: это высокопроходимые полноприводные военные грузовики, покрытые брезентом и оборудованные скамьями.

Но шашлык не несут, и начинается томительное ожидание. Оказывается, что шашлык пасется где-то в горах, за ним кого-то отправляют. Ясно, что мы попались. Через пару часов приводят барана, ничего не знающего о нашем злополучном визите. Впереди – обряд забивания барана по всем мусульманским правилам, потом свежевание, разведение огня, изготовление шашлыка. Бежать уже поздно, но я в бешенстве на себя и на всю эту дурацкую ситуацию. По правилам я должен был отказаться от приглашения, и так поступил бы любой здравомыслящий дагестанец⁴. Думаю, что и хозяева проклинали все на свете, что им попались такие простофили, ничего не понимающие в правилах хорошего тона, и они ввергнуты в непредвиденные хлопоты и расходы. Был бы с нами наш прошлогодний шофер Рашид, ничего подобного не случилось бы.

Прошло немало времени, прежде чем шашлык был готов. Я совершенно не помню, как прошла эта затянувшаяся и ненавистная трапеза и был ли вообще этот шашлык, я только мечтал как можно скорее продолжить наше путешествие.

Конечно, наш график сбит, но отступать некуда. В Лучек мы прибываем к концу дня. Хотя о дне приезда было сообщено заранее, школа закрыта, нужно найти директора школы, выгрузить скарб, решить массу организационных вопросов, убедиться, что дальше группа сможет самостоятельно справиться. Впереди еще ночной маршрут по очень узкой и опасной дороге. Но я знаю ее по прошлому году, в частности, помню об одном крутом повороте на 180 градусов, который преодолевается специфически: нужно проехать вперед и затем спускаться задним ходом до следующего поворота.

Мы все чертовски голодны, несмотря на этот злополучный шашлык, и обдумываем по дороге, как же нам поужинать по приезде. В Микик мы приезжаем где-то в полночь. Кажется, нас ждали, но уже решили, что мы не приедем. Тем не менее нас встретили и отвели в дом к директору школы. Радостная встреча, объятия, разувание при входе, нас приглашают в гостевую комнату, всю в коврах и безделушках, рассаживают на подушках, и вскоре появляется кипящий самовар, конфеты и сахар. Разливают крепкий чай в традиционные азербайджанские стаканы, зауженные в талии. Как хорошо! За нами зорко следят, и как только стакан допит, наливают новую порцию. Как ни странно, я выпил уже не менее шести стаканов, живот полон, а голод не проходит. Несут еще конфеты, и мы пьем и пьем, закусывая этими конфетами. И когда можно считать, что трапеза закончена, вносят дымящийся хинкал в пиалах, мясо, хлеб, сыр, водку... Места в животе нет, но мы едим с удовольствием.

Хозяева говорят, что ночевать мы будем у них, а завтра обустроимся в школе. Прекрасно, но после пыльной дороги лечь на перины невозможно, и мы отправляемся на речку, шумные и веселые, и купаемся, женщины выше по течению, а мужчины внизу. Из этой же речки жители берут воду, так как родника в Микике нет. Речка мчится с большой скоростью вниз по ущелью, и действительно вода в ней хорошо очищается. В сухую погоду вода прозрачная, но после дождя она становится грязной и неаппетитной.

Несколько дней я провел в Микике, настраивая грамматические занятия. Период недолгого затишья и моей нормальной экспедиционной жизни заканчивается, теперь мне предстоит далекая дорога по всем партиям.

Ближе всего расположен Лучек. Там энергичная жизнь, на всю школу гремит магнитофон с Jesus Christ, адреналином Сережи Старостина. Лена Саввина вполне освоилась, хотя в прошлом году в экспедиции не была, словарные вопросы сняты и идет работа по сбору грамматического материала. Кажется, в моей опеке группа не нуждается, и я могу ехать в Ричу.

Чтобы добраться до Ричи, надо спуститься вниз, выехать на трассу Махачкала – Баку и заехать на другой тракт, вдоль реки Чирахчай. В Риче запланирована встреча с Сандро. Каково же было мое недоумение, когда мы обнаружили закрытую школу. Где же наша партия? Ответы жителей и завхоза школы (говорят, что директора в селении нет) довольно сбивчивы и неопределенны. Ясно только, что москвичи собрались и куда-то уехали, кажется, вчера.

споминается рассказ сестры моей жены, Любы, вышедшей замуж за лакца и жившей в Махачкале в многоэтажном доме, о том, как ее муж Хадис Гаджиев, встречая иногда на лестничной клетке своего знакомого, приглашал его зайти к нему в гости. Чем больше тот отказывался, тем больше Хадис распалялся и тем более убедительные аргументы приводил. А бедная Люба шла это по ту сторону двери с замиранием сердца: дети больны, в квартире ералаш, в холодильнике пусто, куча совершенно утложных дел на этот день. Однако все всегда заканчивалось благополучно, и знакомый ни разу не уклонился от правильного поведения в этом ритуале.

Рича расположена над трактом, но неясно, куда же ехать – назад в сторону Махачкалы или вперед, в сторону Чирага. Движение в этой части слабое, иногда за час не проедет ни одна машина. Мы изучаем карту, хотя все агульские селения мы знаем наперечет. Тпиг, Буркихан, Фите, Бурцаг. Все они, кроме райцентра Тпига, расположены в отдалении от тракта, объезжать их наугад не хочется. После нескольких неудачных интервью с водителями, не видевшими нашего ГАЗа и не слышавшими ничего о том, куда он поехал, на наши знаки останавливается грузовик (легковых машин здесь практически нет), шофер которого слышал от кого-то, что ему кто-то говорил, что московский грузовик собирался ехать в Бурцаг. Это самое удаленное селение, кажется, 17 км от тракта, но дорога там очень плохая: крутая и неровная, с большими валунами. Обычный ГАЗ 51 туда не поднимется, но нам, может быть, удастся, если шофер опытный. Честь Алеши задета, и он горит нетерпением ее защитить. Итак, мы сворачиваем на Бурцаг, но если наших там не окажется, то будет потеряно много времени. Кстати, мы обсуждали в Москве бурцагский вариант, но отвергли его из-за трудностей и опасностей. В дождливую погоду там бывают серьезные камнепады.

Дорога действительно трудная. Иногда кажется, что впереди стена, но приблизившись, мы видим вдруг неожиданный поворот. Никаких селений по дороге нет (хотя на карте обозначено три пункта), и местами кажется, что по этой дороге несколько лет никто не ездил. На эти 17 километров ушло не менее двух часов, но вот мы, наконец, в Бурцаге. И наша партия здесь!

Почему же такой внезапный и таинственный отъезд из Ричи? Оказалось, что вторичный приезд москвичей не подвигнул директора на гостеприимство. Сандро в первый же день уехал в Чираг устраивать даргинско-лакскую партию, а когда вернулся через несколько дней в Ричу, обнаружил, что партия в хитроумной осаде. Скоропалительно начался ремонт школьного туалета, и для начала он был развален. Экспедиция оказалась в трудном положении. Девушкам соседи разрешили пользоваться их домашними удобствами, а мужчин пускать отказались, может быть, из-за мусульманских законов, запрещающих незамужним дочерям встречаться с мужчинами. Рича в Дагестане известна как очень ревностно сохраняющее ислам селение. В нем даже есть минарет, один из немногих уцелевших вопреки советской эпохе.

Как на грех, из Ричи, возвышающейся над всей округой, окрестная местность хорошо просматривается на несколько километров, укрыться совершенно невозможно, не совершив получасовой прогулки. Среди легенд экспедиции хранится сага о бедном Саше Барулине, страдавшем в эти дни сильным недугом, вынуждавшим его все светлое время суток находиться далеко в горах. Но говорят, что работу с информантами он не прекращал, сменив только место работы.

Когда Сандро приехал, он принял решение немедленно убраться из Ричи. Отъезд был стремительный, и выбор нового места осуществлялся уже в пути. Но партия была вознаграждена истинным гостеприимством. Несмотря на то, что Бурцаг – селение небольшое и в школе всего три-четыре класса, москвичам создали все условия для работы, помогая всем чем богаты. Им пекли вкусный домашний хлеб, прямо из печки (никакого магазина в селении не было) и ежедневно приносили бесплатное колхозное молоко, чуть не подорвав экономику колхоза: я видел в конторе плакат с соцобязательством повысить среднесуточные надои коров до полутора литров. Все это создало в группе какую-то теплую, семейную обстановку, здесь можно было отдохнуть душой и убедиться, что не все так плохо в этом мире.

Вся дальнейшая жизнь у нас с Сандро протекала в постоянном движении между двумя каньонами с редкими встречами то в одной партии, то в другой. Сейчас уже не удастся вспомнить весь этот замысловатый маршрут. Что происходило с Сандро, я тоже почти не знаю. Исключением является легенда о том, как он, едва перевезя партию Джалили из Чирага в Хосрех, попал на лакскую свадьбу. Делегация родственников пришла в школу, где шел процесс размещения партии, и пригласила всех москвичей на это мероприятие. Кроме удовлетворения естественного любопытства, это означало, что не надо спешно разворачивать кухню и можно расслабиться. Но не все ожидания оправдались. Оказалось, что это уже второй день торжества, и все мясо давно уже съедено, но водка по-прежнему в избытке. Партия в основном была непьющей, и главный удар Сандро смело принял на себя. Граненый стакан наливался до краев, произносился очередной тост, и за каждый, ввиду его важности для всей будущей жизни молодых, неукоснительно требовалось пить до дна, используя в качестве закуски успевшие зачерстветь домашние лепешки. Такие строгости касались лишь новоприбывшего Сандро

как самого почетного гостя. Все студенты ушли в школу, чтобы не мозолить глаза своим скромным видом, а Сандро продолжал гулять на свадьбе, пока лакцы не были полностью удовлетворены результатами своего потчевания.

Мы с Сандро совершили также совместную поездку в селение Буркихан. Совершенно неожиданно оказалось, что это родина Тарланова, возглавляющего кафедру русского языка в Петрозаводске. Нам сказали, что он сейчас здесь. Мы его посетили, он встретил нас восторженно, о нашей деятельности он был осведомлен, сожалел, что мы поехали в Бурцаг, а не в Буркихан. В общем, это было очень приятное знакомство. Сам он в основном является русистом, но свой родной язык тоже не забывает. Он обсудил некоторые волновавшие Сандро трудные вопросы по фонетике агульского языка и, конечно, помог нам в сборе лексики буркиханского говора, а также организовал нам прекрасный прием у себя дома.

После Бурцага я побывал в Чираге, где все было спокойно, никто не лишал москвичей туалета, и информанты были очень дружелюбны и компетентны. Правда, болела одна из студенток, Вера Гальперина (впоследствии Подлеская), с очень высокой температурой. Но поражала ее исключительная жизнерадостность; скорее она нас утешала, а не мы ее. В школе были нарды, я обучил Веру игре, и очень скоро она начала меня обыгрывать, веселясь и забывая о своей температуре. Если бы мы все так умели болеть!

Потом я посетил Дюбек, где командовала Ира Муравьева. У нее была хорошо налажена работа, как словарная (надо было собрать словарь, так как в прошлом году мы в Дюбеке не были), так и грамматическая. Лена Муравенко вспоминала, как мы с Лешей привезли найденную по дороге черепаху, и какое это произвело впечатление — как она проснулась ночью и, ничего не зная о черепахе, приняла ее за змею. Ира Муравьева также помнит, как эта черепаха напугала всех. Вечером, сидя в кухне, они слышали какие-то шаги в коридоре. Единственный мужчина, Петя Перцев, подошел к двери и мужественно открыл ее. За дверью был не какой-нибудь злодей, а мирная черепаха. Я совершенно забыл о нашем с Лешей подарке, и могу лишь поверить на слово, что я в этом участвовал. Партия была готова к переезду в Кондик, наш прошлогодний табасаранский пункт. Помню, в пути было некоторое происшествие: какой-то пьяный шофер врезался в электрический столб, произошло короткое замыкание, район был обесточен, а упавшие на землю провода перегородили дорогу.

Из Кондика я вернулся в самурский каньон. Прибыл в рутульский Лучек, где по-прежнему гремел на всю школу Jesus Christ, так что тем, кто работали с информантами, почти ничего не было слышно. Увы, мне пришлось, рискуя прослыть мелофобом, высказаться в пользу более умеренного шумового сопровождения полевой работы. Также во время трапез, когда возникали бытовые или профессиональные обсуждения текущей жизни, я требовал выключить музыку. Не сомневаюсь, когда я уехал, все вернулось на круги своя.

Когда я вернулся в Микик, мне там был приготовлен сюрприз. Я обнаружил в углу коридора странную композицию: там стояли окаменевшие джинсы как предтеча будущих модных увлечений инсталляциями. Эта скульптура не была предназначена для моих глаз, но ее забыли (или не успели?) по моем приезде спрятать.

Мое удивление от увиденного как-то всех смутило, мне говорили что-то невразумительное. Я уединился с Ириной Петровной и потребовал объяснений. Оказалось, что в мое отсутствие произошло чрезвычайное происшествие, и от меня хотели его утаить. Дело было так. Однажды после обеда у группы студентов возникло желание прогуляться по склону горы. Это были Саша Лубоцкий, Мира Бергельсон и Лена Конькова (ныне Соколова). Микик находится у реки на дороге Лучек – Цахур, и над ним возвышается достаточно крутой склон высокой горы. Идти довольно трудно, но недалеко находится разрезающий этот склон глубокий овраг – ложе пересохшего ручья, и группа спустилась в него и двинулась в гору. Они не заметили, что погода быстро переменилась, и вскоре пошел довольно сильный дождь. Сухое ложе ручья превратилось в бурную реку, несущуюся вниз вместе с увлекаемыми водой камнями. Попытки вылезти из оврага не увенчались успехом: его берега стали мокрыми и скользкими, горе-путешественники снова и снова скатывались вниз. Но воды становилось все больше, летящие камни – все крупнее, находиться в этом потоке становилось небезопасно. Удалось найти перегораживающий поток огромный камень, тоже когда-то принесенный сюда таким потоком, и наша тройка спряталась за ним. Однако дождь не прекращался, вода все прибывала, начинало темнеть,

а кричать и взывать о помощи тоже было бесполезно. Все тонуло в грохоте воды и летящих камней. Положение становилось просто угрожающим. В это событие вмешалось чудо. Их заметили с дороги идущие в Микик люди, они подняли в селении тревогу, и на помощь пришла большая группа микикцев с фонарями и веревками. Студенты были спасены. Найденные мною джинсы были заполнены липкой глиной, их так и забыли в суматохе. Глина засохла, и получилась загадочная нерукотворная скульптура.

Вот такую страшилку со счастливым концом я и услышал. Я, конечно, не стал возмущаться беспечностью всего содеянного и искать виновных. Разве можно омрачать радость исхода? Но вывод для себя сделал. Мирная и благодатная природа в горах может быть очень обманчива, любые отлучки студентов из лагеря должны быть известны начальнику, и студенты должны сохранять бдительность, предвидеть события. Например, в данном эпизоде нетрудно было предсказать, что по оврагу потечет вода, и немедленно из него выбраться.

В конце экспедиции мы с Сандро снова рокировались каньонами. Я эвакуировал лакскую, агульскую и табасаранскую партии, а Сандро – цахурскую и рутульскую. Встретились мы внизу, у трассы Махачкала – Баку. К сожалению, по пути из Лучека на привале возникла ссора между двумя экспедиционерами, переросшая в драку. Пришлось разбирать это ЧП, принимать мучительные решения. Этот случай несколько омрачил конец экспедиции. Но отказываться от запланированного завершающего морского аккорда мы не стали и на двух грузовиках отправились на поиски подходящего места для отдыха на берегу Каспия. В итоге мы выбрали свободный участок, к которому примыкает тропический лес, завитый лианами. В нем мы установили наши палатки, оборудовали кострище. Ребята с Лешей съездили в ближайшее селение и купили сорокалитровую флягу местного красного вина. С вином, правда, случилась неудача. Канистра в кузове опрокинулась, и пока ее поднимали, половина вина вылилась.

Директор сельской школы предложил ребятам обогреть огромное сливовое дерево, растущее во дворе школы, и ребята с охотой на это согласились, хотя пришлось залезать на большую высоту и карабкаться по боковым ветвям. В лагерь они привезли массу фруктов, украсивших наш рацион.

Кроме нас, в этой части берега были и местные отдыхающие, с интересом наблюдавшие за нашей жизнью. Как-то ко мне подошли несколько местных молодых людей и попросили отпустить с ними Лену Саввину, предлагая в обмен четыре ящика помидоров. Я на эту сделку не пошел, и никакого продолжения эти домогательства не имели.

На море мы провели несколько дней, сверяя в полевых условиях словарные карточки, отмечая окончание работы, чьи-то дни рождения и купаясь в море. Правда, в горах прошли дожди, грязная вода Самура замутила бирюзовую воду моря, но это не останавливало любителей поплавать. Были проведены строгие беседы о правилах безопасности на воде, и никаких происшествий не случилось.

Несколько ребят поехали в Москву на грузовиках, а остальные сели в Дербенте на поезд. Мы с Верой попросили у проводника нарды, я часто проигрывал Вере, и проводник-азербайджанец вызвался защитить мужскую честь. К своему недоумению, он Вере проиграл, и после этого я был от игры отстранен и начался азартный турнир между проводником и Верой.

Эта экспедиция продемонстрировала эффективность параллельной коллективной полевой работы при наличии транспортных средств. Были собраны словарные материалы по лакскому языку и дубекскому диалекту табасаранского языка, добавлена лексика хивского диалекта, а также ряда диалектов других языков: тпигского, буркиханского и фитинского говоров агульского языка, собственно цахурского и гельмецкого диалектов цахурского языка, хновского диалекта рутульского языка. Проведена была также работа по расширению и уточнению ранее собранных словарных материалов в соответствии с новой редакцией общедагестанского тезауруса. Вся проделанная в партиях работа проверялась нами с Сандро во время наших инспекционных поездок. В итоге качество словарных материалов существенно возросло, хотя его тоже нельзя было считать окончательным.

Основные грамматические задачи были сосредоточены в области морфологии. Каждый язык получил достаточно полное описание именного и глагольного словоизменения, позволившее определить состав диагностических форм – минимальный набор словоформ, от которых образуются все остальные формы. Каждая лексема в словаре получила, кроме исходной словарной формы, запись фонетических оболочек ее диагностических форм. В некоторых случаях требовалось фиксировать

достаточно много таких форм (от двух до пяти и более). Не менее важной является информация об отсутствии у лексемы того или иного категориального значения (например, форм множественного числа у слов *singularia tantum* или единственного числа для слов *pluralia tantum*). В некоторых языках исследовались также характерные морфосинтаксические явления, например, согласование и синтаксические функции реляционных (кодирующих глагольные актаны) падежей.

Уже в предыдущей экспедиции рутульская партия проявила инициативу и написала неплохие грамматические отчеты. Поэтому было решено заниматься рутульской грамматикой по более полной программе с прицелом на возможный дополнительный результат. Все отчеты мы тщательно обсудили, создали программу работы. В настоящей экспедиции абрис целостного описания со словарем и текстами был в определенной степени выполнен, но стало ясно, что работу по сбору материала надо продолжить.

3. Третья словарная экспедиция. 1975 год

С целью завершить работу над грамматикой рутульского языка, одна из партий в третий раз поехала в селение Лучек, а две другие переместились в западную часть Дагестана, в Цумадинский район. Рутульской партии была предоставлена полная автономия: она была укомплектована только опытными экспедиционерами, такими как руководитель партии Е. Саввина, М. Алексеев, Н. Кашицына и др. Кроме того, рутульский язык территориально расположен на максимально далеком от других партий расстоянии: Цумадинский район находится на крайнем западе, на границе с Чечено-Ингушетией. Он также очень далек от столицы Дагестана Махачкалы. Значительно ближе он от Грозного, который и был выбран как стартовый пункт.

Мы с Сандро решили уменьшить количество партий в Цумадинском районе, чтобы иметь возможность совместной работы и больше практически руководить экспедиционным процессом. Однако это входило в противоречие с количеством потенциальных участников. Мы пошли на новый эксперимент. Каждая партия делилась на две смены. Первая смена проводила первичный цикл исследования в течение двух недель и затем отбывала домой, а ее заменяла вторая смена, частично повторяющая сбор лексических данных и продолжающая грамматические исследования. Некоторые участники, в основном с экспедиционным опытом, работали обе смены. Они опекали новичков и вводили их в курс дела. В целом в экспедиции участвовало 35 человек.

Для изучения были выбраны два языка андийской группы: тиндинский (сел. Тинди) и чамалинский (сел. Нижнее Гаквари). Тинди и Нижнее Гаквари расположены сравнительно рядом: Тинди по одну сторону реки Андийское Койсу, а Нижнее Гаквари – по другую, оба удаленные от реки на 7-8 км. Правда, каждое из селений находится на большой высоте, поэтому дорога от одного селения до другого не такая близкая: сперва надо спуститься до реки, а потом подняться примерно на такую же высоту.

Мы впервые осваивали новый для нас маршрут в поле – через Чечню. Автомобильная дорога сперва идет по центральной магистрали, затем вскоре после Аргуна сворачивает вправо и постепенно поднимается вверх. Мы едем через богатые чеченские селения с кирпичными заборами и искусными воротами, за которыми находятся огромные дома с десятью окнами в длину, нередко двухэтажные. Кирпичные стены домов украшены фигурной орнаментацией. Ничего похожего на нищий Дагестан.

Дорога пролегает в кустарниковом лесу⁵. Последнее чеченское селение – Ведено. Далее дорога поднимается серпантинном по крутой безлесой скалистой стене на перевал. Само Ведено находится на небольшой, по нашим меркам, высоте (заведомо менее 1000 метров), а перевал – на высоте примерно двух с половиной тысяч метров. Когда мы туда поднялись, кто-то из встречных шоферов, у которого мы спрашивали на развилке дорогу, сказал, что основная дорога в Дагестан – налево, но стоит ради экскурсионных целей свернуть направо, так как там через несколько километров есть удивительное безымянное озеро⁶, что мы и сделали. Действительно, это озеро с бирюзовой водой сияло в чаше окружавших его гор и казалось чудом света, спрятавшимся от посторонних глаз. Мы, конечно, спустились к этому озеру и смельчаки в нем выкупались. Потом мы вернулись к развилке и въехали на

акой лес в эпоху чеченских военных действий стал известен под именем *зеленка*.

а современных картах оно именуется Кезенойан.

территорию Дагестана. ... Все эти картины благостной, ничем не омраченной жизни неоднократно всплывали в памяти потом, когда в СМИ сообщалось о ходе военных действий в этих местах. Постоянно звучало зловещее селение Ведено, сообщалось о кровавой бойне у того райского бирюзового озера, говорилось о зачистках Аргуна...

Партии расположились, как обычно, в школах. В Нижнем Гаквари школа довольно большая, при ней отдельное здание для столовой. Эта столовая сослужила нам плохую службу. Однажды ночью она была взломана, и из нее была украдена техника, беспечно там оставленная. Но мы немедленно связались с милицией, и на основной дороге, идущей вдоль реки, был осуществлен досмотр всего транспорта, идущего из селения. Техника была перехвачена и возвращена нам.

Водителем одного из наших грузовиков был молодой парень, довольно упрямый и самоуверенный. Застав его загорающим, я предупредил его, что это небезопасно: кожа его была ослепительно белая и незнакомая с высокогорным солнцем. В итоге к вечеру он почувствовал сильное жжение и разрешил себя осмотреть. Весь его торс покраснел и начали появляться волдыри. Девочки обработали его какими-то средствами и забинтовали от шеи до пояса. Около недели он почти не мог находиться в лежачем положении, а также садиться за руль. Гордыня его была наказана.

Что касается работы, то теперь она была хорошо отлажена. Сбор словаря шел по графику. Однако возникли неожиданности. При записи каждого слова требовалось отмечать ударение. Но довольно часто это вызывало трудности как у исследователя, так и у информантов. Сандро со мной стал проверять эти случаи, и стало ясно, что дело не в некомпетентности, а в реальных фактах. Сверх того, в чамалинском языке обнаружилось довольно много односложных омофонов. Мы стали их внимательно проверять, и информанты утверждали, что они омофонами не являются, а произносятся по-разному. В нашей же орфографии они пишутся одинаково. В чем кроется причина? Ясно, что сегментный состав этих пар слов одинаковый. Значит, различия супraseгментные. С такими чудесами мы ранее не встречались.

Сандро выдвинул гипотезу о тональной природе различий и стал пытаться их имитировать. Информанты распознавали значения произносимого слова, если имитация Сандро была правильной. Вслед за Сандро и я научился имитировать звучание «квазиомофонов». Чтобы более объективно подтвердить наличие тональных минимальных пар, мы в присутствии всех участников экспедиции провели эксперимент. Одному информанту был дан список русских значений элементов минимальных пар в перепутанном порядке, и он должен был перевести это значение на чамалинский язык. Другой информант слушал произносимые слова и переводил их обратно на русский язык. Результат был ошеломительный: переводчик безошибочно различал звучание исследуемых минимальных пар.

Мы с Сандро отправились в тиндинскую партию, чтобы сообщить о нашей сенсации. А там нас ждали с нетерпением, чтобы поразить нас таким же открытием в тиндинском языке. Там этот феномен обнаружили Сережа Старостин и Сережа Николаев. По приезде в Москву они громогласно разнесли в компаративистической среде весть о тональном характере дагестанских языков. Мы с Сандро убедились, насколько мы безнадежны в плане организации пиар кампаний. Таких и даже более сенсационных открытий в нашей экспедиционной практике несть числа, но никто о них, по нашей же вине, практически не знает и этим не восхищен. Позднее мы со Старостиным написали работу по этой проблеме и издали ее в препринтах, см. [Кибрик, Кодзасов, Старостин 1978].

Впоследствии, специально исследуя этот феномен во многих других дагестанских языках, Сандро пришел к выводу, что первоначальная тональная интерпретация была неверна, и в действительности причина кроется в разнообразных просодических различиях, включая и языки, в которых мы ранее этого явления не заметили. Более того, Сандро пришел к выводу, что просодический слой имеется в фонетических системах множества языков, и дагестанские языки не являются исключением. Тиндинский и чамалинский языки выделяются наличием минимальных пар, облегчающих обнаружение просодического слоя.

В тиндинской партии находилась Е.В. Падучева, поехавшая с нами на небольшой срок, чтобы лично посмотреть, как мы изучаем неизвестный язык. Это был первый опыт такого почетного сопровождения нашей экспедиции. Мне было очень интересно, какие у нее впечатления. Мне кажется, она была несколько шокирована тем, насколько для нее такая работа показалась трудна. Прежде всего, это фонетический барьер, умение слышать фонематические различия и тем более их воспроизводить.

Что касается грамматики, то ей тоже трудно было самостоятельно разобраться в богатом арсенале морфологических средств. Я провел с ней мастер-класс по хорошо известной ей синтаксической теме — построению относительного предложения. Эта конструкция существенно отличается от европейского стандарта, хотя я хорошо помнил известную статью А.А. Зализняка и Е.В. Падучевой о типологии относительного предложения [Зализняк, Падучева 1975].

Я продемонстрировал Лене с помощью информанта технику опущения в составе относительного предложения именной группы, кореферентной вершинной именной группе. Удивительным в этой технике является опущение кореферентной именной группы в любой синтаксической позиции, а не только в позиции подлежащего. Лена многому удивлялась, как бы не ожидая такого типа конструкции, а также тому, как я, опережая ответ информанта, записывал будущий результат. Я не сомневаюсь, что если бы она включилась в полевую работу всерьез, все это удивление быстро бы прошло, и она получила бы массу положительных эмоций от этого процесса обнаружения грамматики неизвестного языка.

Работа первой смены закончилась, ее участников отвезли в Грозный, встретили прибывшую вторую смену, и новички приступили к освоению полученных результатов и самостоятельной работе. Словарь был собран заново и сверен с ранее полученными записями.

Прошли сильные дожди, после чего мы с Сандро отправились инспектировать тиндинскую партию. До Андийского Койсу мы доехали благополучно, но дальше ехать было невозможно. Мост через Койсу был снесен. При нас шла стройка временного перехода. Когда бревна были положены, мы кое-как переправились на другой берег и отправились пешком вверх. Дорога до Тинди серьезно пострадала. На ней валялись упавшие камни, в нескольких местах целые глыбы, перегораживающие всю дорогу, и через них нужно было перелезть. Значительно труднее было преодолевать селевые оползни. Это жидкая грязь, в которой утопаешь по колено и выше. Потом надо долго отмываться. В общем, дорога вверх нас очень утомила, но мы добрались до селения.

В Тинди по-прежнему царил тоновый ажиотаж. Сережи (Старостин и Николаев) уже сделали сопоставление с аварским словарем и реконструировали исходную систему. А мы за прошедший период работы с чамалинской лексикой выявили немало ошибок в тоновой записи. Эти данные мы передали нашим компаративистам, но они их не обескуражили, и была сделана новая реконструкция. Меня несколько огорчило, что грамматическими штудиями руководители не руководили, и студенты были предоставлены сами себе. Я постарался навести некоторый порядок, но остаться в Тинди надолго не мог. Когда дорога была восстановлена, к нам приехала машина, и небольшой отряд (оба Сережи и мы с Сандро) отправился в селение Инхоквари для сбора лексики инхокваринского говора хваршинского языка, относящегося к цезской группе. Инхоквари – конечный пункт автомобильной дороги, на машине добраться до селения Хварши, по нашим сведениям, невозможно.

Инхоквари оказалось очень красивым местом. Оно расположено в глубоком ущелье на притоке Андийского Койсу, и рядом с этим притоком бьет мощный минеральный источник, знаменитый своими лечебными свойствами. Около источника в палатках живут болящие, приезжающие сюда со всех концов Дагестана.

Само селение весьма малочисленно. Оно представляет собой несколько домов, разбросанных по противоположному от источника крутому склону. Еще внизу, у реки, мы познакомились с Магомедом, замечательным знатоком родного языка. Он помог нам найти свободное жилище и познакомил с его хозяином. Условия жизни весьма спартанские, но ведь не на курорт же мы приехали? Питание, которое нам предоставлял наш хозяин, весьма однообразное: три раза в день сыр (типа брынзы), сушеное баранье мясо (для многих из нас почти несъедобное), выпеченный хлеб и чай. В принципе у нас был с собой запас консервов, но как им воспользоваться, не обидев хозяев?

Хваршинский язык далеко не так близок к «нашим» языкам, как сами эти языки друг к другу. Это другая языковая группа, с которой мы раньше не работали. Много неожиданного в фонетике. Тем не менее мы работаем без усталости, главное препятствие – недостаток информантов. Разбредаемся по Инхоквари, ища тех, кто мог бы с нами работать. Кто-нибудь спускается вниз к Магомеду.

В таких условиях мы ограничиваемся именованным словарем, так как глагольная лексика тесно связана со словоизменением, на изучение которого времени нет.

Эта экспедиция прошла довольно успешно, хотя идея двух смен была оправдана лишь с учебной точки зрения: дать возможность большему числу людей приобщиться к полевой работе. С научной точки зрения она замедлила поступательное углубление знаний в области грамматики. Если бы речь шла только об учебной практике студентов, эту систему можно было бы осваивать дальше. Но в нашем случае она неоправданно заняла у нас слишком много полевого времени, которым можно было бы распорядиться более продуктивно. В дальнейшем мы этот эксперимент не повторяли.

4. Четвертая словарная экспедиция. 1976 год

Следующая экспедиция переместилась из андийского ареала в бежтинский. Это также очень удаленная от Махачкалы часть Дагестана. Бежтинский – один из пяти цезских языков. С одним из них (хваршинским) мы уже в некоторой степени познакомились: как рассказывалось выше, была освоена его фонетика и записан именной словарь (для чего потребовалось исследовать базовую именную морфологию). Для экспедиционной работы по ряду экстралингвистических причин из цезских языков был удобен только бежтинский язык. Он представлен в трех селениях — Бежта, Хошар-Хота и Тлядал. Все они расположены на тракте, проходящем по ущелью Аварского Койсу, так что до них добраться на машине элементарно. Что касается Бежты, то это центр крупного Цунтинского района, сюда приезжают жители из всех селений района, поэтому жить в таком месте весьма неудобно: группа москвичей, в своем большинстве – москвичек, наверняка будет привлекать местную молодежь с отнюдь не лингвистическими интересами. Но вплотную к Бежте, отделяемая только небольшой речкой, впадающей в магистральную реку Аварское Койсу, находится Хошар-Хота. Тлядал отстоит от Хошар-Хоты ниже по течению реки на расстоянии 10-15 км. Поэтому мы решили впервые организовать две партии, занимающиеся разными диалектами одного языка – хошар-хотинским и тлядальским.

Оставалось еще три цезских языка: собственно цезский, гинухский и гунзибский. Наиболее доступен гунзибский язык, на котором говорят в одноименном селении Гунзиб, стоящем ниже Тлядала на той же дороге, на северной границе Цунтинского района. Но беда в том, что в Гунзибе жителей почти не осталось, живет всего несколько семей, остальные же переехали на плоскость. Для групповой экспедиции невозможно найти нужное количество информантов. Есть еще селение Нахада, но оно находится высоко в горах и автомобильной дороги туда нет. Кстати, во время экспедиции мы в форме прогулки совершили туда восхождение. По непонятной для нас причине мы не встретили в селении ни одного человека. Обычно нас встречает гурьба детей, а затем сходитя приветствовать всё взрослое население. Нам радуются, удивляются нашему появлению, расспрашивают, откуда мы и что делаем, зовут в гости. А тут – такая реакция на нашу компанию. Нечто похожее мы с Сандро наблюдали только в Чечне. Как-то мы ехали в Грозный или из Грозного на нашем экзотическом университетском грузовике и решили немного послушать чеченскую речь в селении Шали. Там тоже никого нельзя было найти на улице. Если бы нам не попался один случайный неудачник, не заметивший нашего приезда и буквально столкнувшийся с нами, выходя из боковой улицы, не услышать бы нам чеченского языка. А тому парню отступить было уже некуда, мы представились и попросили его перевести нам на чеченский язык несколько слов. Мы присели с ним на большом камне и начали свой допрос. Он отвечал, но как-то затравленно, как будто мы его пытаем, и мы довольно скоро его отпустили. Он почти бегом удалился.

Цезский и гинухский языки находятся далеко на юге, за высоким Богосским хребтом и перевалом на высоте около 2500 метров. Говорящих на гинухском языке, согласно письменным данным, всего четыреста человек, а цезы разбросаны по котловине во многих мелких населенных пунктах. Таким образом, для коллективной работы все эти варианты неприемлемы.

Цунтинский район примыкает с севера к авароязычному Тлярятинскому району, так что имелась возможность познакомиться и с аварским языком. Аварский язык диалектно очень разнообразен, в то же время в школе изучается литературный аварский, имеется письменность, на нем ведется делопроизводство на большей части Дагестана. Вообще это самый крупный дагестанский язык. Все эти обстоятельства не очень благоприятны для наших целей, так как мы изучаем язык конкретных селений, а не литературную норму. Однако аварские диалекты южного Дагестана существенно отличаются от литературной нормы, в основу которой положены северные диалекты, в первую очередь говор селения

Хунзах, поэтому было решено попробовать говор одного из ближайших к нам аварских селений, относящихся к анцухскому диалекту. Таким селением был избран Чадаколюб, место работы третьей партии. Трехпартийная схема позволяла включить в состав экспедиции большое количество участников (34 человека). Хошар-хотинской партией руководила Е.Н. Саввина, тлядальской – О.Ю. Богуславская, чадаколюбской – М.Е. Алексеев.

На этот раз я решил добиться, чтобы нам дали, кроме ГАЗ-66, микроавтобус УАЗ, так как езда в грузовике – удовольствие небольшое. Обычно он закрыт брезентовым тентом, в кузове ничего кроме тента не видно, очень душно, а сзади вся дорожная пыль засасывается внутрь. Когда едешь в открытом кузове в теплую солнечную погоду, не так много глотаешь пыли и наслаждаешься видами. Но одевать и снимать брезент – занятие нелегкое, шоферы этого не любят, и если погода переменная, то езда под брезентом неизбежна. Мне удалось выбить обе машины: ГАЗ-66 с нашим любимым шофером Алешей и УАЗ с шофером-новичком.

В Махачкале, как обычно, закуплены овощи и фрукты (прочие продукты и экспедиционный скарб приехали в грузовике из Москвы), и утром мы выезжаем эскортом. В автобусе 12 человек, а остальные – в грузовике. Мы с Сандро и моим 13-летним сыном Андреем и частью женского состава экспедиции едем в УАЗе, а в кузове – остальные экспедиционеры, за исключением И.П. Оловянниковой, сидящей в кабине. Для Андрея это вторая экспедиция, в первый раз я его взял с собой в Хиналуг в 1970 году, когда ему исполнилось семь лет.

Сначала все идет прекрасно, наш УАЗ следует за Лешей, который держится уверенно, не чета нашему водителю, впервые едущему по горам. Мы проезжаем Буйнакск, Леваши, Хаджалмахи, далее начинаются горы и серпантин, но дорога асфальтированная. Оставляем левый поворот на Кумух, в лакский район, поднимаемся по главной дороге вверх. Подъемы и спуски. Наш шофер довольно нервозен, пытаемся его подбодрить. На очередном спуске недалеко от поворота на знаменитый Гуниб, место пленения Шамиля («Гуниб – гранитная твердыня, и защищал ее Шамиль...»), возникает какой-то нештатный звук, шофер сворачивает на обочину и останавливается. После нервного осмотра выясняются неполадки с правым передним колесом. Тем временем Леша залихватски катит вперед, не останавливаясь. Наши размахивания руками, гудение клаксона не помогают. Алеша исчезает на спуске, долго его не видно, потом он снова возникает вдали на следующем подъеме, снова ныряет и через какое-то время он виден лишь еле различимой точкой. Надежды на его помощь нет.

Останавливаем попутную машину, шофер осматривает, велит вывесить колесо и ставит диагноз: сломалось запорное кольцо, и колесо может в любой момент отвалиться. У нашего шофера никаких запчастей нет. Наш консультант глубоко проник в нашу ситуацию. Сам он аварец из Гуниба, едет туда, и он предлагает нашему шоферу поехать с ним и искать замену этому проклятому кольцу. Мы остаемся на дороге вместе с бездвижной машиной, нам остается только ждать и уповать на удачу. По нашему плану мы предполагали заночевать в гостинице в Советском, райцентре Советского района⁷, послали туда заявку, ответа не получили, и сохранялась опасность, что такую большую группу москвичей они не смогут принять. Если возникнет такая проблема, то кто из уехавших без нас сможет ее решить?

Через несколько часов наш шофер вернулся с запчастью, осталось ее установить и можно ехать. Тут к нам подъехала машина, чтобы выяснить, не нужна ли какая помощь. Выясняется, что они тоже едут в Советское. В машине есть место, и они могут кого-нибудь взять. Мы с Сандро проводим блиц-обсуждение и решаем, что воспользоваться оказией надо. Но Сандро не готов ехать в эту неизвестность, значит, ехать надо мне. Конечно, хочется взять Андрея как ребенка, но он по-мужски отказывается, предлагая взять кого-нибудь из девушек. Мы с Сандро договариваемся, что если возникнут такие же оказии, то группу не делить: как посылать девушек неизвестно куда и с кем? То, что Лёша в Советском, — только гипотеза. А если его там нет? Замена детали не должна занять много времени, может быть, они еще меня догонят.

По дороге я все время слежу, нет ли где нашего грузовика. Так и приезжаем в Советское. С гостиницей все в порядке, народ ужинает. Алёша чешет в затылке, лыбится, говорит, что не заметил, когда нас не стало видно, но спешил в Советское. Проходит несколько часов, темно, а наших нет. Я могу думать только о том, почему они не едут. Уже давно темно, я все время выхожу на улицу, ожидая

⁷здесь это селение Хебда Шамильского района.

огней приближающейся машины. Уже полночь. Что делать? Правильно ли я поступил, бросив всех на дороге?

Наконец, они приезжают, голодные и замерзшие. Все вещи и еда в грузовике, а днем было солнечно и жарко, одеты они легко, в блузочки и рубашечки. А с заходом солнца в горах всегда холодает, но утеплиться нечем. Сандро рассказывает, что шофер бестолочь, не знает, как ставить это кольцо, делает неправильно, психует. Снова помогли случайные шоферы, обругали нашего неуча, отремонтировали машину. Какое шоферское братство! И денег не взяли, как и первый наш попутчик. «Вы наши гости», – и весь сказ.

На следующий день мы добрались до места. Выгрузка первой партии в Чадаколобе. Там крутой и высокий подъем, и шофёр УАЗа отказывается ехать, боясь за свои мосты (машина у него полноприводная). Мол, этот автобус для таких дорог слаб, он рассчитан на городскую езду. Едем вверх с Алёшей, поселяем аварскую партию, спускаемся и едем в Тлядал. Оказывается, что школа на противоположном берегу реки, и все вещи надо перетаскивать через подвесной мост. Я организую эту операцию, а Сандро едет дальше для поселения хошар-хотинской партии.

Тлядал поразил нас своими крышами. Мы привыкли, что в дагестанской культуре крыши домов плоские, глинобитные. Здесь же они двухскатные и покрытые дранкой. При традиционной скученности домов общий вид селения удивительно красивый⁸. Чем-то напоминает Закарпатье или северные русские деревни. Никто не мог нам сказать, почему в Тлядале такие крыши, хотя они возникли сравнительно недавно, после войны. Можно предположить, что эту технику завез кто-нибудь из вернувшихся со службы солдат, видевших такие крыши где-нибудь в Закарпатье или на русском Севере. Глубокое и узкое ущелье, в котором расположен Тлядал, покрыто сосновым лесом. Это также очень отличается от обычного голого дагестанского пейзажа. Когда-то большая часть Дагестана была покрыта лесами, но они исчезли из-за их беспорядочной вырубki. В нашем ущелье также идет вырубка и даже сплав леса, но это происходит очень организованно. Пилят только специально отобранные деревья, отжившие свой срок, бревна подтаскивают к специально отведенным местам с крутым и ровным спуском, и стволы самоходом сползают в реку. Внизу их сортируют: часть остается для местного использования, а остальные бревна сплавляют и спускают вниз по реке для последующей продажи. Из-за необходимости обработки древесины в Тлядале имелась лесопилка, на которой можно было также изготавливалась дранку.

Нам как-то довелось присутствовать на традиционном народном цирковом представлении: в Тлядал приехали бродячие канатоходцы из Лакии. В первой экспедиции в 1967 году наша группа совершила экскурсию в селение Цовкра, являющееся знаменитыми канатоходцами, и они как раз давали представление в своем родном селении, что бывает там очень редко. Они путешествуют по всему Дагестану как европейские циркачи.

План работы во всех партиях единый, обобщающий накопленный нами опыт. Фонетическую систему окончательно утверждает Сандро, он же проверяет фонетическую запись всех собранных слов. Я провожу так называемые пятиминутки, на которых студенты докладывают о текущих результатах грамматической работы. Эти пятиминутки длятся иногда по несколько часов. Это по существу то, что теперь именуется безобразным американским варваризмом *воркишоп*.

Вообще шофер УАЗа оказался здесь бесполезен. Для него доступным был только маршрут между Хошар-Хотой и Тлядалом, где нет серьезных подъемов. Наши с Сандро предстоящие поездки в Чадаколог или к цезам, несмотря на пассажирский комфорт УАЗа, были невозможны. Сам шофер оставался в мрачном настроении, ныл, что машина еле-еле дышит. Посоветовавшись с Алёшей, мы предложили ему вернуться в Москву, чему он был безмерно рад. Мы остались с одним грузовиком на три десятка человек, но избавились от присутствия неприятного человека и вскоре о нем перестали вспоминать. Как потом оказалось, решение это было правильным.

Наши хошар-хотинцы жили припеваючи, в большой школе, полностью им предоставленной. Совсем близко находится райцентр Бежта, куда даже можно ходить в кино, живя на отшибе в полном одиночестве. Пейзаж здесь не выдающийся, но наша группа этого не чувствовала, для многих это было первое знакомство с горами.

огда мы снова приехали в Тлядал в 1980 году, таких крыш уже не было. Их заменило современное оцинкованное железо. анка сохранилась только на нескольких служебных постройках.

Теперь мы с Сандро ездим от партии к партии в основном вместе, иногда организуем экскурсии одной партии в другую. Как-то тлядальская партия совершала такую экскурсию в Хошар-Хоту и Бежту, и прямо с дороги мы увидели среди сосен множество маслят. В Дагестане грибов обычно нет, мне довелось собирать маслята только в Лучеке, но там надо было не менее часа подниматься в горы, чтобы добраться до соснового леса. А здесь они росли совсем рядом, собирай прямо под колесами машины. Местные жители их не едят, и у нас не было конкурентов. Мы довольно быстро набрали уйму молоденьких маслят и поехали к соседям с дарами леса.

Вечером была устроена небольшая пирушка по поводу встречи, молодежь веселилась, а мы с Сандро предпочли поспать. Утром я узнал, что во время нашего безмятежного сна здесь происходили чрезвычайные события. Алеша, уже весьма хмельной, решил покататься на своем ГАЗе. Желаящие залезли в него, и начались гонки. Алеша, большой любитель подвигов и езды по бездорожью, крутил по горам, а на обратном пути не заметил обрыва, под которым течет Аварское Койсу, и только чудом не свалился, каким-то образом затормозив и зацепившись задними колесами за край обрыва. Пассажиры повыскакивали из кузова и стали укреплять стоящие на земле колеса, чтобы грузовик не рухнул окончательно. Нашли где-то тракториста, который вытащил грузовик тросом. Отделались нелегким испугом.

Нам с Сандро и Ирой Оловянниковой предстояло совершить путешествие в цезскую долину, которая находится в южной части Цунтинского района за Богосским хребтом, отделяющим ее от бежтинского ущелья⁹. Дорога туда поднимается по крутому склону серпантинном с тринадцатью узкими поворотами, в которые наш грузовик не вписывается. Каждый из них надо брать в несколько приемов, повисая задними колесами над пропастью. Вознаграждает за этот мучительный подъем совершенно фантастический панорамный вид, открывающийся на перевале. Некоторое время дорога идет по узкому гребню Богосского хребта, на юге примыкающего к Главному Кавказскому хребту, и весь Цунтинский район виден как с самолета, даже лучше.

Спуск в цезскую котловину небольшой и довольно плавный. Сперва мы проезжаем селение Гинух, в котором мы поработаем на обратном пути, и стремимся достичь ближайшего цезского селения Кидеро. Это селение небольшое, в нем не более 50-ти дворов. Поселяемся у одного из кидеринцев. Из его рассказов мы узнаем, что в конце войны, после выселения чеченцев, им предложили переехать в Чечню с ее теплом, богатой природой и домами, но они отказались покидать места предков. Тогда селение окружили военные и велели утром покинуть дома. Люди погрузили на ослов и лошадей наиболее ценные для них вещи и под конвоем были выведены из селения. У них на глазах Кидеро было сожжено, возвращаться уже было некуда. Они пешком добирались до нового местожительства, на что ушло более месяца. А в 57-м году вернулись из ссылки хозяева домов, которые надо было освободить. Им предложили остаться на плоскости или вернуться в Кидеро. Большинство переехало в плоскостную часть Дагестана, но некоторые решили вернуться. Там они нашли одни развалины. Пришлось самостоятельно строиться.

Наша задача – собрать именной словарь. Это около 600 лексем. Нужно также верифицировать записи, потому что лишний раз забираться в такое удаленное место трудно. Найти трех информантов, чтобы мы могли работать одновременно, оказалось невозможно, но мы как-то вышли из положения. Словарь был собран, необходимая грамматическая информация тоже, и мы вернулись назад в Гинух.

Это тоже маленькое селение. Мы были несколько утомлены жизнью в частном доме вместе с хозяевами, поэтому установили рядом с селением нашу трехкомнатную палатку, договорившись с местными парнями, что они будут к нам приходить. Гинухский язык довольно близок к цезскому, поэтому мы собрали необходимый материал, кажется, за пару дней.

Оставалось только съездить в гунзибский язык, в одноименное селение. Оно расположено прямо на дороге Глядал — Чадаколоб. Точнее, на дороге стоит только один обитаемый дом. В основном мы опрашивали хозяина дома, кое-что у других гунзибцев. Мы убедились, что сбор данных в таком режиме, без оседлой партии, весьма эффективен.

После Гунзиба мы с Сандро совершили инспекцию в Чадаколоб. Приехали туда часов в одиннадцать утра. Школа была закрыта изнутри, никого из экспедиционеров не видно. Все спали. На

наши стуки кто-то открыл нам дверь. Такая безрежимная жизнь была нами строго осуждена. Оказывается, эту партию надо бы постоянно опекать кому-нибудь из нас, но это не согласовывались с нашими планами, и мы прожили там несколько дней.

Чадаколоб расположен на гребне горы, восточный склон которого крут, но все-таки доступен для проживания, а западный представляет собой неприступную скалу, у подножья которой раскинулся на много километров огромный каньон. Вид потрясающий, чем-то напоминающий то, что открывается на перевале через Богосский хребет. Правда, здесь краевид более доступен, живя в селении, можно часами рассматривать все складки местности, с холмами, впадинами и реками. Горизонт вдаль закрывает величественный Богосский хребет.

От Чадаколоба уходит вверх дорога на самую высокую точку гребня, но такая крутая, что местные считают ее недоступной для автотранспорта. Алеша сразу загорелся и сказал, что он должен проверить, так ли это. Когда он в таком спортивном азарте, останавливать его бесполезно, и мы поехали вверх в сопровождении одного из местных. Иногда казалось, что мы едем почти по вертикальному склону, тупой нос ГАЗа задрал в небо, мотор ревет, но тянет. Пик был взят. Там вид еще величественней. Видны обе стороны хребта — западный и восточный. Где-то внизу виднеется Тлядал, Богосский хребет и Большой Кавказ. Хорошо бы здесь пожить несколько дней¹⁰! Но мы возвращаемся назад в Тлядал.

Несколько раньше окончательного завершения экспедиции предстоял отъезд в Москву Андрея и И.П. Оловянниковой. Их отвозил в Махачкалу Алеша. Мы с Сандро поехали с ними до Чадаколоба с очередным визитом.

Сразу после их отъезда погода испортилась, пошел дождь. Он шел без перерыва четыре дня. Как только дождь прекратился, мы с Сандро пешком отправились в Тлядал. Дорога была сильно попорчена, путь преграждали упавшие камни и сползшие сели. Сейчас доехать на машине до Тлядала было бы невозможно. Однако значительно хуже обстояло дело с дорогой в Советское. Пришла информация, что 700 метров дороги полностью разрушено и местами она вообще съехала в ущелье. Ясно, что Алеша приехать к нам не сможет. Наш собственный отъезд тоже приближался, а мы оказались в горной западне.

Алеша сумел до нас дозвониться. Он доехал до Советского и пытался прорваться к нам, но порвал три ската и с трудом вернулся в Советское. Там отремонтировать колёса было невозможно, он отправился в Хунзах (это райцентр другого, Хунзахского района, на значительном расстоянии от Советского), чего-то добился, но дорога полностью закрыта. Мы должны самостоятельно до него добраться. Но как?

В республике было введено чрезвычайное положение: восстановить дорогу можно будет только через несколько месяцев. В Бейту стали летать военные грузовые вертолеты с мукой, есть возможность улететь. Я даю команду Мише Алексееву немедленно самостоятельно прийти в Тлядал. Они пришли, хотя это было сложно. Унести на себе весь экспедиционный скарб невозможно. Были наняты ослы и мулы, нагруженные общественными вещами, а люди с личными рюкзаками шли пешком.

Дорога до Бейты не повреждена, где-то добыт транспорт, и две партии перемещаются в Хошар-Хоту. Теперь вся экспедиция находится в одном месте, недалеко от места посадки вертолетов. Нам надо улететь в Махачкалу или в Советское. Я веду переговоры с начальством по поводу нашей эвакуации. Ни о чем нельзя договориться наверняка. Заранее неизвестно, откуда и когда прилетят вертолеты, надо быть наготове и желательно на посадочной площадке. Там толпа людей со всего Цунтинского района, рвущихся улететь. А нас три десятка, что превышает норму целого вертолета. Поэтому улетать придется частями. Надо предусмотреть все варианты деления, так чтобы в каждой группе был командир мужского пола. А таковых у нас наперечет, и не всякий способен на такую обязанность. Встает вопрос, кто будет замыкать отъезд, если понадобится. В запасе мы с Сандро и Миша Алексеев. На сколько частей придется делить весь состав, заранее неизвестно. Ясно, что часть экспедиции желательно отправить прямо в Махачкалу, так как тридцать людей вместе с багажом к Алеше не посадишь. В то же время, необходимо соединиться с Алешей, чтобы вывезти громоздкий багаж и руководить поездкой в Махачкалу. Было решено, что если будет вертолет в Махачкалу,

Эта мечта сбылась в 1980 году в полной мере.

возглавлять группу будет Миша. Он неоднократно бывал в Махачкале, знает, где и как можно ночевать, знаком с некоторыми лингвистами, которые могут помочь группе, если понадобится.

При делении группы мог понадобиться еще один возглавляющий, но все мужики – первокурсники: Максим Кронгауз, Алеша Шмелев и Яша Тестелец. Яша добровольно предлагает себя.

Первый вертолет, на который были места, летел в Махачкалу. Я попытался отправить как можно больше людей этим рейсом, не обременяя их экспедиционными вещами. Под Мишиным руководством вылетело более десяти человек. На следующий день с интервалами улетают еще две группы в Советское. Облекать Яшу статусом командира не пришлось. В Советском нас встречает всегда улыбающийся Леша.

Утром следующего дня весь немалый остаток экспедиции грузится на наш родной ГАЗ. Кажется, что все трудности позади. Мы весело мчимся в Махачкалу, поезд у нас завтра вечером. Дорога идет вдоль ревущего Аварского Койсу. Мы доезжаем до развилки, и неясно, по какой дороге ехать. Алеша решает, что лучше не покидать Койсу — по крайней мере не заблудишься. Через некоторое время дорогу пересекает сель. Возможно, надо было ехать по другой дороге, но возвращаться далеко, Алеша осматривает сель и решает ехать наперерез. Всех пассажиров он высаживает, Сандро вспоминает, что надо снять с машины мой чемодан: в нем находятся все отчетные документы и обратные билеты (кроме отданных Мише, на случай, если мы не доедем до отправления поезда). Снимаю чемодан, и это означает, что ситуация рискованная.

Все стоят в сторонке, Алеша включает оба моста, набирает скорость и врывается в сель. Машина начинает буксовать, и задние колеса сползают влево, к реке. Алеша еще перед штурмом велел стоять у левого борта и в случае такой ситуации пытаться отталкивать зад машины от обрыва. Все мужики это делают, но масса грузовика несоизмерима с человеческими усилиями. У самого обрыва Алеша глушит мотор, ставит машину на тормоз и включает первую скорость. Тем не менее машина потихоньку сползает к обрыву. Алеша руководит действиями — как можно быстрее навалить камни под задние колеса и затем расчищать от камней колею вперед. Когда машина тронется, надо оттягивать правый борт от обрыва и набрасывать камни позади задних колес. Все готово к штурму сели, хотя успех не гарантирован. Алеша заводит мотор и мастерски преодолевает сель. Можно ехать дальше. Это было последнее серьезное препятствие, мы благополучно объединили всю экспедицию и успели сесть в поезд.

Закончилась очередная экспедиция вполне успешно. Добавилось шесть обследованных языков.

5. Пятая словарная экспедиция. 1977 год

Итак, за четыре года словарного проекта охвачены все группы дагестанских языков, находящихся на территории Дагестана. Следующая экспедиция отправилась в Азербайджан. Там в Кубинском районе находится три языка шахдагского ареала: будухский, крызский и хиналугский. Хиналугский язык изучался нами ранее, см. [Кибрик и др. 1972, Кибрик 2007], и было решено создать две партии: будухскую и крызскую. Все три языка традиционно относятся к лезгинской группе, хотя хиналугский язык сильно отличается от прочих языков этой группы¹¹.

К этому времени число опытных экспедиционеров, окончивших ОСиПЛ и официально не аффилированных в МГУ, увеличилось и составляло почти половину всей экспедиции. Все они уже имели достаточный опыт полевой работы по нынешней программе. Наша прошлогодняя экспедиционная работа без студентов показала, что с точки зрения научных целей это эффективный метод. Поэтому одну из двух партий мы сформировали из «старичков», давая им простор для полевой работы без повседневной опеки. Вторая партия была сформирована в основном из «новичков».

Будухский и крызский языки одноаульные. Расстояние между селениями Будух и Крыз сравнительно небольшое, но они расположены на вершинах двух гор, каждое на высоте более 2000 метров, разделенных глубоким каньоном. Дороги между селениями не существовало, и добраться из одного селения в другое можно только спустившись на плоскость в райцентр Куба и затем поднявшись на другую гору. Чтобы избежать таких тяжелых переездов, мы воспользовались тем, что около Кубы,

Позднее в работах С.А. Старостина хиналугский язык был выделен в особую ветвь, непосредственно отделившуюся от языка, см. [Nikolayev, Starostin 1994].

на плоскости, находится крызский выселок, довольно большое селение, Палчыкоба. Это селение расположено недалеко от железнодорожной станции Хачмас. Партия старичков под руководством Е.Н. Саввиной исследовала крызский язык, а партия новичков под руководством О.Ю. Богуславской — будухский.

Мы с Сандро в этот раз совершили до основной экспедиции беспрецедентное путешествие на грузовике из Москвы и далее по Закавказью. К нам присоединились Нина, моя жена, и сын Андрей. Маршрут проходил через Грузию и Азербайджан. Мы проехали в Грузию по Военно-Грузинской дороге, которая не показалась мне особенно трудной и красивой на фоне того, что я видел в Дагестане. Мы побывали в Мцхета, замечательном заповеднике грузинской культуры, после чего решили кутнуть в традиционной шашлычной. Вообще наши командировочные были весьма скудны, и, изучив меню, мы остановились на пяти порциях шашлыка из барашка, боржоми и зелени. Официант принес нам блюдо с аппетитно разложенной разнообразной зеленью, и мы взяли весь поднос. Принесли пять шампуров с пятью кусочками барашка. Прикончив их, Андрей сказал, что теперь он был бы готов приступить к шашлыку. Пришлось частично повторить. Шашлык был невыносимо вкусным, и я не помню, удалось ли нам наесться. А про себя я решил, что это первое и последнее посещение ресторана.

В Тбилиси мы жили в квартире Гудава - Магомедбековой с их сыном Ираклием (старших хозяев не было). Нашей следующей целью были селения Чантлисхури и Октомбери. Не доезжая до места, мы увидели справа от дороги высокий лесистый холм, венчавшийся руинами древнего монастыря. Любопытство заставило нас свернуть и посмотреть это сооружение. Дорога на холм была очень крутая, но Алешу этим не испугаешь. Наверху мы обнаружили существенно разрушенные стены и церковь, как нам потом говорили, одну из самых ранних в Грузии (III-IV века). Там никого не было. Мы нашли около церкви остатки хозяйственных построек. Там в были вкопанные в землю огромные амфоры размером с комнату. Говорят, что этот монастырь ежегодно является местом паломничества и жертвоприношений 9 января.

Потом мы благополучно добрались до нашей ближайшей цели, островка дагестанских языков. Два селения расположены рядом, по разные стороны от трассы. В Октомбери проживают удины, а в Чантлисхури - выходцы из Бежты и Тлядала. Окрестные жители считают их аварцами, и сами они привыкли считать себя таковыми. Гуляя по селению, мы увидели молодого парня, копающего в огороде колодец. Мы спросили, какой у него родной язык. Не колеблясь он ответил, что он аварец. У них в школе преподается родной язык, и он даже может принести словарь. Оказалось, что это аварско-русский словарь. Тогда Сандро учинил экзамен и прочитал некоторые слова из словаря. Что они значат? Парень признался, что он не знает и вообще ничего не понимает на уроках родного языка. Когда же Сандро произнес некоторые бежтинские слова, парень радостно узнал их. «А ты Тлядал, Бежта знаешь?» - «Да, да, там наши родные живут». Все встало на место. Парень сам из Тлядала.

В Чантлисхури хорошие условия для работы над бежтинским языком. Это селение расположено вблизи республиканской трассы, соединяющей Грузию с Азербайджаном, дома там большие и благоустроенные, климат теплый, русский и бежтинский языки все знают хорошо. Хотя Октомбери - ближайшее селение, отделенное от Чантлисхури только трассой, контакты у них слабые. Забавно видеть, как по Октомбери бродят в изобилии свиньи, а за трассой их совершенно нет. Удины-христиане, а бежтинцы- мусульмане.

Далее мы едем на восток. Дорога начинает портиться и совсем разбитая она километрах в десяти от азербайджанской границы. После границы, на азербайджанской стороне она снова становится хорошей. Наша очередная цель - селение Нидж, чисто удинское селение, которое раскинулось на несколько километров в очень ухоженном лесу. Это не лес, а плантация огромных кустов фундука, растущих рядами, основное богатство Ниджа. Все население занимается уходом за фундуком и сбором орехов. Кроны деревьев фундука смыкаются высоко вверх, образуя туннели-аллеи, простирающиеся на необозримом пространстве. Под деревьями чисто, ни травинки, и всегда довольно темно.

Нам надо где-то поселиться и организовать работу. Нас пятеро, и поселиться у кого-нибудь дома без нужды не желательно. Вскоре мы видим школу, которая окружена плодовым яблоневым садом. Кажется, что в Нидже не одна школа, хотя и эта довольно большая. Нам предлагают класс для проживания. Матрацев, конечно, нет, но есть географические карты. Жестковато, но чисто.

Завуч предлагает пойти к ней в гости, и мы охотно соглашаемся: ведь мы страшно голодны. Нас усаживают за стол. Вскоре приносят самовар и тарелку варенья из лепестков роз. Эту тарелку мы опустошаем мгновенно, запивая варенье чаем. Если бы был хлеб, можно было бы налечь на него. Хозяйка приносит вторую тарелку, мы смущены и понимаем, что поступаем неправильно, уничтожая такой элитный продукт. Эту тарелку постигает та же участь. Не исключено, что мы лишили хозяев годового запаса лепестков роз. Теперь мы немного приглушили голод, и тут приносят огромную сковороду жареной картошки и сливовую чачу. Жаль так варварски уничтоженных лепестков роз.

Утром мы с Сандро начинаем работу с заранее приглашенными информантами. Нина с Андреем изучают селение и гуляют по ореховому лесу. Но к вечеру начинается дождь, переходящий в тропический ливень. Дождь продолжается всю ночь, и утром мы обнаружили, что школа окружена сплошным озером, даже сапоги не помогают. Теперь ясно, почему дорожки на территории школы приподняты. Они тоже покрыты водой, но по ним можно ходить в резиновой обуви.

Пока я работал с информантом, Алеша предложил всем остальным сделать автомобильную экскурсию и посмотреть, какова ситуация на речке, через которую нам предстоит ехать. Через некоторое время ко мне пришел Сандро с перекошенным лицом. Что случилось? Они чуть не утонули и чудом спаслись. Я бросил информанта, побежал к машине, где сидели в кузове Нина и Андрей. Они целы и невредимы. Мне наперебой рассказывали, что случилось на реке. Понять ничего было невозможно, и мы поехали назад к месту ЧП.

Картина была впечатляющая. Речка, которая в сухое время года представляет собой в основном русло, между камнями которого журчит вода и по которым можно перейти почти не замочив ноги, сейчас превратилось в ревущий поток шириной в десятки метров. Несколько грузовиков стояли в этом потоке. Из товарного фургона через открытую заднюю дверь выплывали ящики с помидорами. Посреди стоял трехосный военный КАМАЗ, по берегу бегали солдаты. Этот КАМАЗ постепенно засасывало, над водой торчала только его верхушка.

Как мне рассказали участники ЧП, Алеша походил по берегу, изучил ситуацию и решил проверить собственноручно состояние переправы. Сели, поехали. Выбранный Алешей маршрут оказался правильным, и они благополучно выехали на противоположный берег к изумлению глазевшей толпы. Алешу встретили как героя. Сделав дело, он развернулся и поехал назад. Но за несколько минут обстановка резко изменилась. Там, где только что был легкий пологий съезд, берег подмыло, и ГАЗ, не доехав до берега, провалился носом в яму и заглох. Стремнина билась о бок грузовика и грозила его опрокинуть. Кабину залило водой. Сандро выскочил из нее и перелез на крышу кабины. Все кричали, что надо пытаться попробовать подать назад, но Алеша твердо решил: только вперед. Он сделал какие-то пассы, стал заводить мотор, один из цилиндров зачихал, мотор работал с перебоями. Алеша рванул, и машина тронулась, полностью въехала в реку, уровень воды у мотора понизился, и машина въехала на берег.

Уже на следующий день река успокоилась, и мы уезжали уже по ручью.

Наша очередная цель - райцентр Куба, куда мы приехали часов в шесть вечера. Расспросили местных, сколько километров до Будуха. Услышав, что 30, Алеша уверенно предложил тут же ехать. Мол, доедем засветло. Сперва дорога проходила через субтропические кустарниковые леса, постепенно поднимаясь вверх. Потом леса кончились, и дорога круто взмыла ввысь. Она поднималась без сепрантина и всяких поворотов, прямая как стрела. ГАЗ тащился на первой скорости. Справа отвес горы, слева пропасть. Спасает только глубокая колея, не дающая свалиться. Подъем продолжался час, два, три, четыре. Мы уже давно едем в темноте в густом тумане. Внезапно этот туман исчезает, уходя вниз по мере нашего подъема. Светит яркая луна, освещающая фантастический пейзаж с грядями гор и облаками где-то далеко внизу. Мы находимся на высоте не менее двух с половиной тысяч метров. Потом начинается спуск, мы снова въезжаем в облако-туман, видимость минимальная, на несколько метров. Внезапно мы видим огни домов, мимо которых мы движемся. Это Будух, время полночь. Но мы слышим мужские голоса, останавливаемся. Расспросы, откуда и зачем мы приехали. Тут же находится директор школы, Самид, который, стоя на ступеньке кабины, указывает Алеше, куда ехать. Мы в доме Самиды. Он гордился, что у него четыре дома. Это значит, что у него четыре комнаты. Нас кормят, устраивают спать. Нину размещают на горе пуховиков, мужчины ложатся на полу.

Утром мы изучаем школу. Такой школы мы еще не видели. Это небольшое глинобитное строение, стекол в окнах нет, и деревянных полов нет, они тоже глиняные. Электричества тоже нет. Договариваемся с Самидом о жизни нашей партии, об информантах. Самид преподает русский язык, но такого русского языка я еще не встречал. Каково же будет знание русского у наших будущих переводчиков, старшеклассников?

На следующий день мы уезжаем встречать экспедицию. В кабине едет Нина, и днем ехать вниз страшнее, чем подниматься ночью. Нина говорила потом, что из кабины кажется, что машина едет по самому краю пропасти и вот-вот упадет. Ехать надо на самой низкой передаче и постоянно тормозить, и все равно кажется, что машина едет слишком быстро. Никогда не засыпающая, от ужаса и шока Нина заснула.

Из Кубы мы поехали в Палчыкоба. Это селение все утопает в садах. В отличие от Будуха, здесь жарко. Школа маленькая, в какой-то времянке, обшитой железом. Договорились с директором о поселении в школе экспедиции, отправили Нину и Андрея на поезде в Москву, и вскоре прибыла экспедиция. Набились в грузовик и поехали в школу. Большого восторга она не вызвала, но искать что-нибудь другое времени не было. Оставив «крызцев» устраивать жизнь, отправились в Будух.

В Будухе было много хлопот с проведением электричества, добыванием матрасов, застеклением окон и борьбой с глиняным полом. Фундаментально подмести его невозможно, пол от хождения по нему тут же покрывается глиняной пылью. Понадобились паласы, чтобы как-то уменьшить эту пыль. В школе почти нет стульев, вместо них – парты для детей начальной школы. Еще одна проблема – вода. Родника в селении нет, он находится в двух километрах от школы. Раздобыли два бидона и арендовали мула, на котором дежурные возили воду.

Будух окружен голыми глиняными горами, и во время частых ветров поднимается рыжая глиняная пыль, засоряющая глаза и мешающая дыханию.

Проблемой было найти переводчиков, так как русского языка толком никто не знает, общаемся на каком-то пиджине. Тем не менее студенты не унывают, работают с энтузиазмом. Особое внимание надо уделять проверке и перепроверке записей, в основном это делает Сандро.

Когда работа была налажена, мы с Сандро поехали к нашей крызской партии. Там нас встретила неожиданная картина. Вся группа изнурена тридцатиградусной и выше жарой, обилием мух, бытовыми трудностями и нехваткой информантов. Каждый дом окружен большим участком, поэтому расстояния между домами также большие. И они разбросаны на большой территории, хождение к информантам, которых зачастую нет дома, при такой жаре изнурительно.

Надо было принимать какое-то решение. Оставаться в этом селении партия не хотела, пришлось переезжать в Крыз, чего так хотелось избежать. Съездили на прощание к морю, накупились, собрали и упаковали багаж и поехали в горы. Крыз расположен, как и Будух, на высоте 2300 метров. Температура резко отличается от приморской. Здание школы каменное, с толщиной стен не менее полуметра. Экспедиционеры воодушевлены свежестью и чистотой воздуха.

Мы оставляем партию обустроиваться во второй раз, обещая позднее их навестить, и едем в Будух. Опять продолжительный спуск в Кубу и не менее продолжительный подъем в Будух. Там все идет по плану, информанты постепенно обучаются русскому языку, а экспедиционеры — будухскому. Сандро погружается в фонетику, а я в грамматику. «Будухцы» очень хотят совершить пеший поход в Крыз, рассчитываем время, я еду в Крыз с Лешей по знакомому маршруту и там ожидаю прибытия наших будухцев.

Осталось преодолеть еще трудности отъезда, так как каждую партию надо вывозить отдельно, но это проходит без особых происшествий.

В целом эта экспедиция для нас с Сандро оказалась непростой, слишком много поездок. Так, когда мы возвращались в Будух после переселения крызцев, вскоре после Кубы он почувствовал себя плохо, мы остановились в каком-то селении около почты, Сандро лег там на лавку, жаловался на сильную боль в сердце. Я дозвонился в Кубу до скорой, минут через сорок она приехала. Пожилая врач, по профессии гинеколог, осмотрела Сандро и твердо сказала, что с сердцем у него все в порядке, даже никакого сердечного укола делать не надо. Боль же у него желудочная, сделала обезболивающее и пожелала нам удачного пути. Сандро сразу оживился, боль прошла и больше не возвращалась.

Из последней экспедиции мы извлекаем такой урок: надо отказываться от многопартийной системы и, тем самым, от желания брать в экспедицию всех выпускников, которые хотят продолжать участвовать в полевой работе в рамках университетской структуры. Последняя экспедиция завершает определенный этап в словарном проекте. Все запланированные лезгинские и цезские языки охвачены, имеются также идиомы лакского, даргинского и аварского языков. Остается неполно представленной лишь андийская группа, и это еще впереди. Впереди также доведение словаря «до ума», то есть до такого состояния, чтобы ему можно было так же доверять, как словарю Зализняка. Мы еще не знаем, что для этого нам надо будет провести еще восемь экспедиций. Но об этом когда-нибудь в другой раз.

Литература

Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии придаточного относительного // Семиотика и информатика. Вып. 5. М., 1975.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянная И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Изд. МГУ, 1972.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянная И.П., Самедов Дж. Опыт структурного описания арчинского языка. Том 1. М.: Изд. МГУ, 1977.

Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Том 2, 3. М.: Изд. МГУ, 1977.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянная И.П., Самедов Дж. Арчинский язык: тексты и словари. М.: Изд. МГУ, 1977.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Старостин С.А. О просодической структуре слова в дагестанских языках // Предварительные публикации Института русского языка АН СССР. Вып.115. М., 1978.

Кибрик А.Е. Диалог лингвиста с носителем: в поисках полевого метода и формата лингвистического описания // На меже меж Голосом и Эхом. Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М.: Новое издательство, 2007: 308-328.

Кибрик А.Е. Экспедиционные истории 2: Начало дагестанских сопоставительных штудий (1973) // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: ЯСК, 2008: 23-32.

Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian etymological dictionary. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.